

ГЛАВА XXVIII.

ВЪ КОНЦѢ ГОДА (1919).

72.

Какъ видно изъ изложеннаго, вопросъ о способахъ упроченія независимыхъ закавказскихъ республикъ и о согласованіи ихъ независимости съ общими теченіями европейской и азиатской политики побѣдителей, все-же занималъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, вниманіе Англии, Италіи, С. Штатовъ.

Что касается *Франціи*, она, въ общемъ, болѣе твердо и болѣе опредѣленно стояла на почвѣ необходимости скорѣйшаго восстановленія Россіи (путемъ пораженія совѣтской власти «бѣлыми»). Эта доктрина заставляла Францію смотрѣть съ большимъ скептицизмомъ и опаскою на новыя республики. Грузинская делегация въ Парижѣ довольно прилежно работала въ разнообразныхъ политическихъ кругахъ, чтобы преодолѣть предрасудки, казавшіяся непоколебимыми. Нельзя сказать, чтобы успѣхъ нашъ въ этомъ отношеніи былъ великъ; это видно изъ нижеслѣдующаго эпизода.

Различныя перипетіи практическаго вопроса объ усиленіи товарообмѣна между Франціей и Закавказьемъ (этимъ дѣломъ грузинская и азербайджанская*) делегации занимались въ Парижѣ совмѣстно) потребовали выясненія официальнаго взгляда французскаго правительства на двѣ союзныя республики. По разнымъ обстоятельствамъ, которыхъ можно не упоминать, способомъ для выясненія этого взгляда былъ избранъ письменный вопросъ, поставленный министру иностранныхъ дѣлъ виднымъ депутатомъ (нынѣ — сенаторъ) *де-Монзи*.

*) Членами ея сверхъ предсѣдателя Топчибашева, являлись: Гаджинскій (въ 1919 г.), Мехтіевъ, Шейхъ-уль-Исламъ-Заде, Гаджибековъ, Магерамовъ.

Отвѣтъ г. Пишона, появившійся въ *Journal Officiel* 6-го сентября 1919 г., заключался въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ (соотвѣтственно заданнымъ вопросамъ):

1. Кавказскія республики не признаны юридически французскимъ правительствомъ;

2. Французское правительство не признало этихъ республикъ фактически. Положеніе на Кавказѣ довольно смутно и неустойчиво. Такъ, существованіе Закавказской республики представляется въ настоящее время шаткимъ. Что касается Грузіи, она находится въ борьбѣ съ русскими и армянами;

3. Французское правительство не переставало свидѣтельствовать величайшую симпатію кавказскому населенію, сообразно традиціямъ и интересамъ Франціи въ этихъ странахъ. Делегациямъ различныхъ кавказскихъ народовъ было разрѣшено прибыть въ Парижъ. Французское правительство продолжаетъ имѣть представителя въ Баку, Батумѣ и въ Тифлисѣ. Въ послѣднемъ пребываетъ равнымъ образомъ военная миссія, посланная до того, какъ началось сепаратистское движеніе.

Наконецъ, въ п. 4-омъ говорится о готовности правительства Республики содѣйствовать товарообмѣну между Франціей и кавказскими странами.

Въ отвѣтъ Пишона, интереснѣе всего было указаніе на то, что французская военная миссія была послана въ Тифлисъ еще до «сепаратизма» — подразумевалось, въ отличіе отъ миссій англійской, итальянской и другихъ, отправленныхъ туда, дѣйствительно, послѣ провозглашенія независимости закавказскихъ республикъ. Этотъ отгѣнокъ имѣлъ свое значеніе въ виду тогдашней русской политики Франціи, вовсе не поощрявшей «сепаратизмовъ».

Грузинская делегация отвѣтила на эти разъясненія французскаго министра особымъ письмомъ, въ которомъ, прежде всего указывалось, что «Закавказской республики», положеніе которой по мнѣнію г. Пишона, столь «прекарно», вообще въ природѣ не существуетъ (еще съ 26 мая 1918 г.!).; что «несмотря на нѣкоторыя разногласія между Грузіей и Арменіей, страны эти не находятся въ *борьбѣ* (!); что, какъ всегда, Грузія служитъ убѣжищемъ для армянъ, преслѣдуемыхъ въ другихъ мѣстахъ, и черезъ Грузію Арменія сообщается съ Европой; что среди сосѣдей Арменіи нѣтъ во всякомъ случаѣ нации, съ которой армяне находились-бы въ столь благопріятныхъ отношеніяхъ, какъ съ грузинами».

Характеристика «смутности и неустойчивости» не могла быть, по нашему мнѣнію, одинаково простираема на страны

Сѣвернаго Кавказа, бывшія тогда театромъ либо гражданской войны, либо завоевательныхъ стремленій Добровольческой арміи, и на закавказскія республики. Ссылаясь далѣе на факты, подтверждавшіе постепенное устройство государственной жизни Грузіи и на условія, въ которыхъ въ дѣйствительности протекалъ начавшійся уже тогда товарообмѣнъ съ Франціей, мы указывали, какое отрицательное вліяніе могло имѣть на французскую предприимчивость отношеніе къ Грузіи французскаго правительства, нежеланіе его признать ее ни фактически, ни юридически. Въ заключеніе выражалась все-же увѣренность, что «не будетъ отказано въ признаніи демократіи, доказавшей свою устойчивость въ самыхъ трудныхъ условіяхъ».

Ближайшее будущее показало, что мы не заблуждались.

73.

Многообразная работа грузинской делегаціи въ Парижѣ имѣла свое значеніе для пропаганды вопроса о Грузіи и Кавказѣ передъ сложной и многоликой аудиторіей «кулуаровъ» Конференціи; трудами всѣхъ вообще окраинныхъ делегацій создавался противовѣсъ недопускавшему никакихъ послабленій централизму русской неофициальной дипломатіи. Рѣшающее значеніе все-же принадлежало фактамъ; а послѣдніе все громче возвѣщали неудачу военно-государственныхъ предпріятій Колчака и Деникина. Съ другой-же стороны, множились свидѣтельства разнообразныхъ наблюдателей объ устойчивости и жизнеспособности грузинскаго государства.

Къ концу лѣта 1919 года англійскихъ войскъ уже не оставалось въ Закавказьи, за исключеніемъ Батума. Представители англійскаго командованія разстались съ грузинскимъ правительствомъ весьма дружескимъ образомъ; а пріѣздъ въ Тифлисъ, въ качествѣ великобританскаго главнаго комиссара Оливера Уордропъ (нынѣ сэръ О. У.) отразился очень благопріятно на взаимоотношеніяхъ Англійи и закавказскихъ республикъ. Уже саамое назначеніе на эту должность человѣка, столь популярнаго въ Грузіи, а въ то же время завѣдомаго друга Россіи, говорило и о вниманіи Англійи къ общественному мнѣнію въ Грузіи и сопредѣльныхъ странахъ, и о стремленіи ея къ возможному уменьшенію треній съ Россіей. Встрѣча, устроенная О. Уордропу въ Тифлисъ, куда онъ прибылъ въ концѣ августа 1919 г., показала, съ какой чуткостью отнеслись въ Грузіи къ этому назначенію.

Большое значеніе имѣло, нѣсколько позже, соглашеніе между Арменіей и Азербайджаномъ, которымъ дѣлалась попытка положить предѣлъ острому конфликту между ними изъ за границъ. Многое было сдѣлано британскимъ комиссаромъ и, спеціально, американскимъ полковникомъ Рей въ пользу этого соглашенія, подписаннаго 17-го ноября 1919 г. Хатисяномъ и Усубековымъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Грузіи Гегечкори. Закавказскія республики стояли тутъ на единственно правильномъ пути; спрашивалось лишь, найдется-ли у ихъ правительство достаточно твердости, изобрѣтательности и... трудоспособности, чтобы добиться неотложно необходимыхъ вещей: территориальнаго разграниченія и установленія на дѣлѣ добраго сосѣдства между тремя республиками, какъ преддверія къ согласованію ихъ политическихъ стремленій и къ экономическому ихъ союзу: безъ этого у нихъ не могло быть будущности.

Но въ концѣ 1919 г. всѣ предзнаменованія были благопріятны, и не признавать дальше фактическаго — фактическимъ становилось невозможнымъ. Какъ только сдѣлалось очевиднымъ, что возстановленіе Россійской Имперіи посредствомъ русскихъ военныхъ экспедицій, поддержанныхъ западными державами, потерпѣло неудачу, не могло не послѣдовать *фактическаго признанія* закавказскихъ республикъ, которое задерживалось именно вслѣдствіе ожидавшагося возстановленія россійскаго единства. Съ отпаденіемъ этого задерживающаго условія, «признаніе» вытекало естественно, почти автоматически изъ всей совокупности дѣйствительныхъ фактовъ, интересовъ дня и настойчивости нашихъ стремленій.

ГЛАВА XXIX.

«ФАКТИЧЕСКОЕ» ПРИЗНАНИЕ.

74.

«Скоро-ли конференція положить конецъ нашему томленію? Сейчасъ 20-е ноября (1919) — полное побѣдоносное движеніе російскихъ большевиковъ на Д-армію. Ихъ побѣда уже предрѣшаетъ на долгіе годы гражданскую войну не только въ Россіи, но несомнѣнно они огнемъ и мечомъ будутъ насаждать «совѣты» по всему земному шару, а прежде всего, конечно, вторгнутся къ намъ... Итакъ, намъ грозитъ завоеваніе большевиковъ. — Если-же фортуна повернетъ свое кровавое лицо къ ген. Деникину, и ему удастся «покорить подъ ножи» свои коммунизмъ, то также несомнѣнно, что онъ направитъ свой побѣдоносный мечъ на насъ и покорить насъ силою, сколько бы союзники ни вліяли на него! *Вотъ мы и не понимаемъ: чего хочетъ конференція?»*

Такъ писалъ мнѣ въ частномъ письмѣ вдумчивый наблюдатель, благородный и даровитый, безвременно погибшій въ 1923 г. кн. Константинъ Абхази.*)

Въ самомъ дѣлѣ: чего собственно желала конференція?

*) Племянникъ главнаго въ XIX стол. выразителя національнаго сознанія Грузіи, кн. *Ильи Чавчавадзе* (1837-1907), *Конст. Абхази*, членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ, съ честью и достоинствомъ завершилъ въ 1917 г. рядъ предводителей дворянства восточной Грузіи, столѣтіемъ слишкомъ раньше начатый княземъ *Гарсеваномъ Чавчавадзе* (до 1801 г. — министромъ царей грузинскихъ при Россійскомъ дворѣ). — Въ маѣ 1923 г., обвиненный по дѣлу о подготовкѣ вооруженнаго возстанія противъ Совѣтовъ, палъ, въ числѣ 15 другихъ доблестныхъ воиновъ и патриотовъ, смертью храбрыхъ.

Въ концѣ 1919 года дѣло освобожденія Россіи отъ владычества коммунистовъ вооруженными силами «бѣлыхъ» было уже почти проиграно. Попытка генерала Юденича овладѣть Петроградомъ только что окончилась полною неудачею; адмиралъ Колчакъ былъ отброшенъ въ самую глубь Сибири. Военное счастье отвернулось и отъ генерала Деникина, войска котораго оттѣснялись все далѣе къ югу.

Правда, еще 18 декабря Ллойдъ-Джорджъ, говоря о русскихъ дѣлахъ, допускалъ теоретическую возможность новаго поворота фортуны, благоприятнаго для южныхъ войскъ. Онъ, однако, напоминалъ при этомъ Палатѣ Общинъ, что «въ настоящее время нѣтъ ни одного правительства, могущаго говорить отъ имени всей Россіи».

Многое, дѣйствительно, измѣнилось съ того времени, какъ обсуждались условія признанія Европою правительства адмирала Колчака, какъ правительства Россіи!

Быстрое теченіе событій помѣшало, съ другой стороны, и осуществленію новой попытки созвать конференцію всѣхъ фактическихъ правительствъ б. Россіи, которая намѣтилась было, робкимъ намекомъ, въ ноябрѣ 1919 года.*)

«Политика невмѣшательства» таково было официальное обозначеніе программы, усвоенной союзниками по русскому вопросу — на совѣщаніи премьеровъ въ Лондонѣ, въ декабрѣ 1919 г.

Дополненіемъ-же ея служила система «проволочнаго загражденія», т. е. допущеніе, въ принципѣ, помощи, со стороны державъ, тѣмъ окраиннымъ государствамъ, которыя пожелаютъ и способны обороняться отъ нападенія совѣтскихъ войскъ. Стали болѣе ясно различать двѣ вещи: внутреннюю гражданскую войну въ самой Россіи (война бѣлыхъ и красныхъ) — въ которую рѣшено было не вмѣшиваться; и самооборону новыхъ республикъ, возникшихъ послѣ войны и національно нерусскихъ — отъ завоевательныхъ стремленій совѣтской власти.

Было-бы, однако тщетно, искать вслѣдъ за тѣмъ послѣдовательности и определенности въ политикѣ союзниковъ. Великія державы, разочарованныя неудачами русскихъ генераловъ и обремененныя множествомъ другихъ заботъ, не знали въ точности, какъ поступить. Еще не теряли надежды какъ

*) Ср. рѣчь Ллойдъ-Джорджа на банкетѣ у лондонскаго лордъ-мэра, 8 ноября, и вызванные ею толки.

нибудь согласовать дѣйствія генерала Деникина и окраинныхъ государствъ. Командировка на югъ Россіи, въ качествѣ британскаго комиссара, члена парламента Макиндера должна была, повидимому, этому помочь. Но правительство генерала Деникина по прежнему не мирилось съ независимостью окраинъ. Если оно и высказалось (17 декабря 1919 г.) за начатіе съ ними переговоровъ, то лишь съ каждымъ «новообразованиемъ» въ отдѣльности, и не допуская при этомъ участія *представителей иностранныхъ державъ* (См. The Times, 22. XII.)

.... Дѣла Добровольческой арміи ухудшались непрерывно. Въ началѣ января 1920 года Совѣтское правительство обратилось къ Грузіи (и Азербайджану) съ формальнымъ предложеніемъ заключить военную конвенцію о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ добровольцевъ. Е. Гегечкори отвѣтилъ (12 января) ссылкой на невозможность для Грузіи принять участіе въ гражданской войнѣ, раздиравшей Россію.

Такъ скрещивалось стремленіе красной Россіи отвлечь къ себѣ отъ Европы симпатіи закавказскихъ республикъ — и забота Европы объ упроченіи шатавшагося «блага» фронта на югъ Россіи.

Что Грузія и Азербайджанъ не станутъ бороться *вмѣстѣ* съ ген. Деникинымъ за него — это сомнѣній не вызывало.*) Но себя-то эти республики будутъ-ли оборонять отъ большевиковъ? Теперь уже выдвигался именно этотъ вопросъ, далеко не мѣстнаго лишь значенія.

Съ занятіемъ красными войсками Закаспійской области и успѣхами ихъ на Сѣверномъ Кавказѣ, Закавказью грозитъ вторженіе совѣтскихъ силъ, которымъ открылся-бы оттуда путь въ Персію и т. д.. Вся Передняя Азія пришла-бы въ этомъ случаѣ въ броженіе. Напротивъ, подкрѣпивъ закавказскія республики, давъ имъ средства обороны противъ совѣтскаго наступленія, можно оградить отъ опасности и сосѣднія страны на югѣ.

Грузія и Азербайджанъ привлекаютъ на мгновеніе общее вниманіе. Чего добраго, эти республики, прикрытыя Кавказомъ, окажутъ сопротивленіе, столь для всѣхъ полезное и желательное. Но онѣ... какъ-же это? вѣдь еще и не признаны! Признаніе ихъ пожалуй, ободритъ, поощритъ! Оно и практи-

*) Еще въ декабрь 1919 г. успѣлъ вновь разгорѣться конфликтъ между добровольцами и Грузіей, на этотъ разъ по поводу захвата первыми судовъ подъ грузинскимъ флагомъ.

чески необходимо: какъ помогать правительствамъ непризнаннымъ? Кромѣ того признаніе ихъ — *de facto* — будетъ, въ сущности, именно признаніемъ того, что дѣйствительно есть...

Кто станетъ теперь возражать противъ такого признанія? Доктринеры единства и нераздѣльности Россіи? Ихъ авторитетъ сильно поколебленъ послѣ всего, что произошло съ 1917 г.

12 января 1920 года Верховнымъ Совѣтомъ великихъ союзныхъ державъ было постановлено признать правительства Грузіи и Азербайджана правительствами *de facto*. Я получилъ сообщеніе объ этомъ на слѣдующее-же утро, частнымъ образомъ, отъ одного изъ членовъ великобританской делегаціи.*) Письменнаго официальнаго увѣдомленія мы тогда не получили. Но немного позже, 15 января, делегаты Грузіи и Азербайджана были приглашены по телефону на Орсейскую набережную, къ г-ну Камбону. Происходило все это, надо сказать, въ порядкѣ весьма спѣшномъ и крайне безформенномъ. Въ сущности, мы и не знали въ точности, для чего насъ вызываютъ.

Итакъ, ровно годъ послѣ перваго посѣщенія этого мѣста (когда «непризнанность» почувствовалась довольно опредѣленно, см. выше, стр. 179), пришлось явиться сюда-же, въ этотъ разъ вмѣстѣ съ Иракліемъ Церетели, и делегатами Азербайджана: Топчибашевымъ и Магерамовымъ, чтобы выслушать отъ имени конференціи сообщеніе о состоявшемся признаніи.

Г-нъ Жюль Камбонъ принялъ насъ не безъ торжественности, имѣя на право отъ себя г. Филиппа Керръ (слышшаго однимъ изъ главныхъ вдохновителей Ллойдъ-Джорджа), а на лѣво — маркиза де-ла Торрета.

Привѣтствуя делегатовъ закавказскихъ республикъ, г. Камбонъ заявилъ, что постановленіемъ Верховнаго Совѣта правительства республикъ Грузіи и Азербайджана признаны независимыми *de facto*. Отнынѣ конференція имѣетъ возможномъ вступить въ правильныя сношенія съ делегаціями этихъ

*) Извѣстіе о состоявшемся признаніи *de facto* было передано въ Тифлисъ съ чрезвычайной скоростью. Уже 12 января г. О. Уордропъ увѣдомилъ грузинское правительство отъ имени лорда Керзона, что по почину послѣдняго въ Верховный Совѣтъ внесено предложеніе о признаніи *de facto* республикъ Грузіи и Азербайджана, и что предложеніе это встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ Франціи и Италіи.

республикъ, а делегации, съ своей стороны, ... могутъ представить конференціи необходимые матеріалы, ноты и пр.*) Въ заключеніе г. Камбонъ предложилъ г. г. делегатамъ высказать особыя замѣчанія, если таковыя имѣются.

Церетели выразилъ благодарность делегаций Верховному Совѣту за послѣдовавшее всемилостивѣйшее признаніе, а также надежду, что державы окажутъ закавказскимъ республикамъ необходимую имъ поддержку, политическую и финансовую. Въ частности, Грузія очень нуждается въ продовольственной помощи, въ виду продолжительной оторванности отъ внѣшняго міра.

Топчибаевъ обращаетъ вниманіе на первую попытку созданія республики на мусульманской почвѣ, осуществленную въ Азербайджанѣ, и отмѣчаетъ демократизмъ его учреждений, а также предоставленіе избирательнаго права женщинамъ.

Послѣ этого нѣсколько замѣчаній было представлено мною. Главное изъ нихъ относилось къ необходимости болѣе точнаго выясненія смысла того акта признанія, о которомъ намъ только что сообщилъ г. Камбонъ, отъ имени Верховнаго Совѣта. «Признаніе правительствъ de facto» очевидно означаетъ не одно лишь признаніе грузинскаго и азербайджанскаго правительствъ — фактическими правительствами; нѣтъ, признаніе это относится къ самимъ государственнымъ организаціямъ, т. е. къ новымъ республикамъ, чьими органами упомянутыя правительства являются. Иными словами, Верховнымъ Совѣтомъ признаны de facto новыя независимыя государства, новыя республики, чьи территоріи раньше входили и болѣе не входятъ въ составъ Россійской Имперіи. А отсюда вытекаетъ фактическое признаніе всего того, всѣхъ тѣхъ органическихъ мѣропріятій, которыми осуществляется и при посредствѣ которыхъ упрочивается независимая государственность Грузіи и Азербайджана.

Отвѣчая на мое замѣчаніе, г. Камбонъ высказалъ, поясняя свою первоначальную декларацию о «признаніи правительствъ de facto», что мое толкованіе акта Верховнаго Совѣта правильно; что, дѣйствительно, признаніе имѣетъ въ виду новыя республики, независимое существованіе которыхъ признано отнынѣ de facto великими державами.

*) Мы однако уже весь 1919 годъ занимались такимъ «представленіемъ нотъ, матеріаловъ» и т. п. Такъ что признаваемая за нами теперь прерогатива мало чѣмъ насъ обогащала!

Выдвинуть значеніе состоявшагося признанія, какъ признанія государственной независимости Грузіи и Азербайджана — было тѣмъ болѣе необходимо, что эта сторона дѣла — благодаря злостному тогда страху передъ проникновеніемъ воинствующаго коммунизма въ страны передней Азіи — оставалась въ тѣни.

Остальная часть нашего свиданія съ представителями Верховнаго Совѣта была посвящена вопросамъ и отвѣтамъ (элементарнѣйшаго свойства, относительно обороноспособности закавказскихъ республикъ. Главнымъ вопрошателемъ явился г. Ф. Керръ.

75.

Теперь всѣ какъ-то внезапно почувяли, что надо помочь Грузіи и Азербайджану не стать легкой добычей наступавшихъ съ сѣвера и грозившихъ съ востока (изъ за Каспія) большевиковъ.

Степанный Тетрис писалъ 14-го января 1920 года.,

«Невозможно, чтобы союзники допустили разрушеніе посредствомъ нападенія или путемъ большевицкихъ заговоровъ — фактической независимости, уже два года какъ пріобрѣтенной народами, живущими вокругъ Россіи въ собственномъ смыслѣ. Это приложимо не только къ національностямъ балтійскимъ. Начало это относится также къ народамъ кавказскимъ, чья позиція чрезвычайно важна и чрезвычайно открыта въ моментъ, когда замѣчается устремленіе большевиковъ въ сторону Турціи, Персіи и Индіи. Съ отрадою узнаемъ мы, что верховный совѣтъ призналъ фактическую независимость Арменіи*), Грузіи и Азербайджана»...

На слѣдующій день (15-го января) офиціозно сообщено было въ Лондонѣ о тревожномъ положеніи на Востокѣ, вслѣдствіе военныхъ приготовленій большевиковъ въ Туркестанѣ и упроченія ихъ въ Закаспійской области. Особенно угрожаемыми признавались закавказскія республики; и правительства, и населеніе враждебны тамъ большевикамъ, но вооруженныя ихъ силы недостаточны-де для отраженія нашествія.

Въ тотъ же день вечеромъ неожиданно вызваны были изъ Лондона и выѣхали въ Парижъ (гдѣ Верховный Совѣтъ имѣлъ очередную сессию) британскій военный министръ Черчилль, фельдмаршалъ сэръ Генри Вильсонъ, первый лордъ адмирал-

*) На дѣлѣ, признаніе Арменіи произошло немного позже, 18 января 1920.

тейства У. Лангъ и адмиралъ лордъ Битти. На слѣдующій день вся англійская и французская печать отражала вызваннныя этими сообщеніями переполохъ и тревогу.

«Не лишено въ этой связи значенія, отмѣчалъ The Times (16 января), сообщаемое нами сегодня признаніе союзниками de facto республикъ Грузіи и Азербайджана. Батумъ, на Черномъ морѣ, единственное мѣсто въ Закавказьи, гдѣ имѣются британскія войска, есть портъ Грузіи, а Баку, на Каспійскомъ морѣ, есть портъ и столица Азербайджана» и т. д.

Вслѣдъ за этимъ заговорили о предстоящей отправкѣ на Кавказъ союзныхъ войскъ (называли до 200.000!), вообще о серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣрахъ военного характера. А еще позже, столь-же неожиданно, забили отбой: тревога и угроза были признаны преувеличенными, о посылкѣ арміи уже не говорили, и все вошло въ обычную колею.

Позволю себѣ сообщить нѣсколько подробностей этой исторіи — шумихи, многимъ еще памятной и столь показательной для нашего неуравновѣшеннаго времени, когда нервозность и верхоглядство способны порою проникать въ руководящіе круги самыхъ здоровыхъ и прочныхъ державъ.

Ненапрасно въ наши дни такъ часто припоминается мизантропическое замѣчаніе стараго канцлера Оксенштерны: *nescis, mi fili, quantilla prudentia homines regantur* или, въ вольномъ переводѣ: не вѣдаешь, сынъ мой, какъ неумно правятъ людьми.*)

Въ субботу 17-го января утромъ, насъ пригласили на совѣщаніе къ фельдмаршалу сэру Г. Вильсону**), въ гостиницу Клариджъ, что на Елисейскихъ поляхъ. Азербайджанская делегация имѣла тамъ-же свое комфортабельное мѣстопробыванія.

Въ совѣщаніи, сверхъ фельдмаршала, присутствовалъ адмиралъ Битти, а отъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ — г. Робертъ Ванситтартъ. Было еще нѣсколько штабныхъ офицеровъ арміи и флота.

Предметомъ продолжительнаго обсужденія было выясне-

*) Или: *quam parva sapientia regitur mundus*. О. — знаменитый соратникъ Густава-Адольфа.

**) Этотъ генералъ, признаваемый однимъ изъ крупнѣйшихъ военныхъ дѣятелей Британской имперіи, вышелъ позже въ отставку, сдѣлавшись членомъ Парламента и палъ отъ руки политическаго убійцы въ 1922 г.

ніе матеріальной помощи, какая могла-бы понадобиться Грузіи и Азербайджану на случай наступленія совѣтскихъ войскъ. О посылкѣ союзныхъ войскъ на Кавказъ не говорилось; не упоминалось и о какихъ либо иныхъ дѣйствіяхъ Грузіи и Азербайджана, кромѣ чисто оборонительныхъ. Выдвигалась (съ нашей стороны) важность помощи продовольственной.

Мы старались освѣтить и общее политическое положеніе на Кавказѣ — вѣроятно эти разъясненія представляли большой интересъ для нашихъ собесѣдниковъ, чѣмъ чисто военныя данныя, которыя, навѣрное, имъ были извѣстны гораздо лучше, чѣмъ намъ.

Въ политическомъ отношеніи, мы придавали значеніе союзному единенію трехъ республикъ и высказались за необходимость, въ виду этого, немедленнаго признанія державами независимости Армянской республики. Въ сущности, мы исходили изъ плана тѣснаго союза трехъ закавказскихъ республикъ, при непремѣнномъ условіи оказанія имъ дѣйствительной матеріальной помощи великими державами. Мы выражали даже надежду на возможность, при такомъ единствѣ фронта, извѣстнаго соглашенія съ Совѣтскою Россіей и признавали такое соглашеніе единственною альтернативою другого, т. е. «интервенціоннаго» рѣшенія вопроса (посылки въ Закавказье крупныхъ европейскихъ силъ).

На вопросъ адмирала Битти, можетъ-ли Азербайджанъ организовать дѣло своей *военно-морской обороны* (на Каспійскомъ побережьи) безъ посторонней помощи — отвѣтъ Топчибашева гласилъ: нѣтъ, не можетъ.

19 января насъ опять позвали на Орсейскую набережную, на этотъ разъ въ пленарное засѣданіе Верховнаго Совѣта. Предсѣдательствовалъ Клемансо — это были послѣдніе дни пребывания его у власти. Вокругъ, все знакомыя (по «иллюстраціямъ») лица удачниковъ «Великой» войны и великихъ неудачниковъ мира: Ллойд-Джорджъ, лордъ Керзонъ, Черчилль, Жюль Камбонъ, Нитти, Фошъ, Битти, сэръ Генри Вильсонъ и многіе другіе.

Маршалъ, фельдмаршалъ и «первый морской лордъ» сидятъ за особымъ столомъ, за нами. Какое количество орудіевныхъ жерлъ, штыковъ, сабель, торпедъ и пр. у насъ въ тылу? спрашиваю я сосѣда.

Делегатовъ «молодыхъ республикъ»*) помѣстили прямо противъ предсѣдателя. Чхеидзе и Церетели могли теперь лицедрѣть вершавшій дѣла Европы «Интернаціональ» великихъ державъ, нѣсколько отличный отъ благостнаго «Интернаціонала» ихъ грузино-русскихъ мечтаній!

Старый кельтъ, съ такимъ талантомъ и огнемъ олицетворявшій многочисленныя поколѣнія пожилыхъ коренастыхъ французовъ, видѣвшихъ въ войнѣ 1914-1918 г. г. лишь эпилогъ войны 1870-71 г. г., произнесъ нѣсколько словъ привѣтствія.....

Рѣчь шла о томъ-же: каковы силы кавказскихъ республикъ и какая имъ нужна помощь дабы подкрѣпить ихъ оборону въ случаѣ нападенія. «Военныя» объясненія давались Церетели отъ Грузіи, Магерамовымъ отъ Азербайджана. За компетентность ихъ въ этомъ дѣлѣ не поручусь. Но вопросы ставились несложные.

Засѣданіе это не представляло — пока мы въ немъ присутствовали — ни малѣйшаго интереса. Снова заявлено было о необходимости скорѣйшаго признанія независимости Арменіи; больше чѣмъ слѣдовало спрашивались помощь Кубани и горцамъ и т. д. Никакихъ предложеній военно-политическаго характера представителямъ Грузіи и Азербайджана не было сдѣлано.

Между тѣмъ, въ печати еще упорнѣе заговорили объ обширномъ десантѣ союзниковъ на Кавказѣ, о привлеченіи тамошнихъ республикъ къ участию въ священной войнѣ противъ совѣтскихъ войскъ и т. д. Делегации Грузіи и Азербайджана вынуждены были даже выступить съ печатнымъ опроверженіемъ этихъ слуховъ (см. *Т е т р с*, 31 января 1920 г.).

Впрочемъ, очень скоро послѣ того, какъ столь внезапно поднятъ былъ весь этотъ шумъ вокругъ вопроса о новой экспедиціи на востокъ, англійскимъ газетамъ сообщено было офиціозно, что *никакихъ войскъ не предполагается отправлять въ Закавказье* (27 января). Шумъ оказался изъ за пустяковъ.

Весь переполохъ (поднимая его, не желали-ли припугнуть Москву?) былъ вызванъ, кажется, стремленіемъ однихъ англійскихъ дѣятелей (сторонниковъ «военнаго рѣшенія») затормозить попытки другихъ, англійскихъ-же дѣятелей перейти на стезю мирнаго соглашенія съ совѣтскимъ правительствомъ.

*) Отъ Грузіи это были Чхеидзе, Церетели и я. Отъ Азербайджана — Топчибашевъ и Магерамовъ.

«Соглашатели» одолѣли «военную партію». И тѣ, и другіе интелесовались, однако, преимущественно *русскимъ* вопросомъ, относясь не безъ скептицизма къ закавказскимъ республикамъ. Но о послѣднихъ пришлось все-же заговорить — ничего не подѣлаешь съ географіей! Зато немногіе, понимавшіе дѣйствительное значеніе ихъ независимости для болѣе прочнаго устройства дѣлъ Ближняго Востока, получили теперь возможность, пользуясь благоприятной «тактической» обстановкою, добиться, наконецъ, отъ Верховнаго Совѣта признанія независимости *de facto* Грузіи, Азербайджана и б. русской Арменіи. *) Лордъ Керзонъ **) былъ въ этомъ дѣлѣ призваннымъ инициаторомъ; а осуществленіе его облегчалось, конечно, и отпаденіемъ главной задержки: надежды на скорое возстановленіе единой Россіи — справа. Къ тому-же въ Италіи незадолго передъ тѣмъ парламентъ высказался въ пользу вступленія въ сношенія со всѣми фактическими правительствами б. Россіи; и даже Франція, вмѣстѣ съ другими, допускала въ данную минуту значеніе признанія, какъ способа нравственнаго и политическаго укрѣпленія новыхъ республикъ, не признавшихъ у себя власти Совѣтовъ.

Это признаніе *de facto* было, несомнѣнно, важнымъ событіемъ и въ исторіи государственнаго сознанія народовъ Грузіи и сосѣднихъ ей республикъ, и въ исторіи европейской политики по вопросу о русскомъ единствѣ. Въ ученіе объ этомъ единствѣ событіями вносилась еще одна поправка, отвѣчавшая новому положенію вещей, справедливости и — практическимъ интересамъ державъ.

76.

Въ тѣхъ русскихъ кругахъ, гдѣ будущей Россіи не могли представлять себѣ иначе какъ въ видѣ единого централизованнаго государства «какъ встарь», признаніе независимости закавказскихъ республикъ было встрѣчено, конечно, неодобрительно, недружелюбно.

*) Что при этомъ Грузія и Азербайджанъ получили признаніе раньше чѣмъ Арменія — было лишь кажущимся парадоксомъ исторіи.

**) Онъ получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ постѣ Бальфура, 24 октября 1919 г., при послѣдней перестройкѣ кабинета Ллойд-Джорджа.

Однако, главному поборнику этих идей генералу Деникину все-же приходилось считаться с постановлением великих держав (сыграли, кажется, некоторую роль и советы английского комиссара).

На казачьей конференции состоявшейся в Екатеринодарѣ (въ концѣ января 1920 г.), генералъ заявилъ, что онъ ратуетъ, прежде всего, за Единую Россію; но что имъ сдѣланы союзникамъ заявленія относительно окраинныхъ народностей, въ смыслѣ, во-первыхъ, признанія независимости *de facto* окраинныхъ правительствъ, находящихся въ борьбѣ съ большевиками, а во-вторыхъ, опредѣленія будущихъ взаимоотношеній между окраинными народами и Россіей посредствомъ трактата, заключаемаго ими съ всероссійскимъ правительствомъ, причемъ союзныя великія державы могутъ дѣйствовать въ качествѣ посредницъ.*)

Сравнительно съ декабрьскимъ заявленіемъ, гдѣ, правда, уже допускалось двустороннее, договорное установленіе взаимоотношеній между Россіей и окраинами, но еще отвергалась посредническая дѣятельность западныхъ державъ (см. выше, стр. 240), это серьезный шагъ впередъ, въ духѣ предположеній Парижской конференции конца мая 1919 г. (т. наз. условія признанія правительства адмирала Колчака; см. выше гл. XXII).

Однако, генераломъ Деникинымъ тутъ-же сдѣлана была оговорка, лишавшая вышеизложенную мысль его всякой ясности. «Въ виду того, заявляетъ онъ, что позиція, занятая конференціей 14 января, по отношенію къ Азербайджану и Грузіи, дала послѣднимъ поводъ думать, что рѣчь идетъ о признаніи *независимости* этихъ новыхъ организмовъ, я заявилъ протестъ, но сегодня я получилъ официальное разъясненіе, что державы признали *самостоятельность правительствъ de facto*, но не независимость окраинныхъ государствъ, именно въ смыслѣ моего предложенія. Это не нетерпимость — это есть охрана высшихъ интересовъ русскаго государства, и возраженіе это вовсе не исключаетъ возможности дружескихъ и добрососѣдскихъ отношеній на этой основѣ.**)

Актомъ 12 января правительства Грузіи и Азербайджана

*) The New Russia, N 4. 1920. I, 157.

***) См. The Times, Feb. 17, 1920. Cp. The New Russia. v. I, 126-7.

были признаны *de facto* именно въ смыслѣ признанія фактической государственной независимости этихъ новыхъ республикъ.

Когда одинъ изъ грузинскихъ делегатовъ, 15 января, просилъ г. Жюля Камбонъ точнѣ изложить постановленіе конференции и подтвердить, что рѣчь идетъ именно о независимости новыхъ республикъ отъ Россіи, то дѣлалось это, конечно, въ предвидѣніи попытокъ такого «разъясненія», которымъ умалялось-бы значеніе признанія. Предосторожность, какъ оказалось, была вовсе не лишней.

Японское правительство не замедлило присоединиться къ постановленію Верховнаго Совѣта 12 января*); о *неприсоединеніи* Соединенныхъ Штатовъ къ этому акту генералъ Деникинъ, къ великому его утѣшенію, была извѣщенъ состоявшимся при Добровольческой арміи американскимъ адмираломъ Mc Cully 6 февраля 1920 г.

Это расхожденіе «великой заатлантической республики» съ четырьмя руководящими державами Старога свѣта было лишь новымъ и огорчительнымъ указаніемъ на отсутствіе единой политики у «большихъ». Практическаго значенія оно не имѣло.

11-го февраля 1920 «представитель Главнокомандующаго арміи Южной Россіи при союзномъ командованіи въ Закавказьи» полковникъ Денъ увѣдомилъ Е. П. Гегечкори въ Тифлисѣ, что «Главнокомандующій... генералъ Деникинъ, признаетъ фактическое существованіе правительствъ Грузіи, Азербайджана и Арменіи». Къ сожалѣнію, признаніе это (очевидная уступка «союзному командованію») послѣдовало въ такой моментъ и въ такихъ условіяхъ, которыя неизбѣжно уменьшали и моральную его цѣнность, и его политическое значеніе: Добровольческая Армія была уже накануне полнаго крушенія.

*) Грузинская делегация въ Парижѣ получила извѣщеніе объ этомъ отъ секретаріата Конференціи 7-го февраля 1920.

ГЛАВА XXX.

ВЕРХОВНЫЙ СОВѢТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Февраль - Мартъ 1920)

77.

Агонія Добровольческой арміи длилась до весны 1920 года; успѣхи совѣтской власти были непрерывны и довольно прочны — хоть и не столь молниеносны, какъ это рисовалось Парижу и Лондону въ срединѣ января. (см. выше) Главнѣйшіе кабинеты Европы имѣли нѣкоторый досугъ, чтобы лучше (чѣмъ въ декабрь 1919 г.) формулировать новую политику въ русскомъ вопросѣ, вытекавшую изъ неудачи прямого или косвеннаго вмѣшательства въ русскія дѣла и поддержки бѣлыхъ армій.

Характеръ этой новой «союзной» политики выясняется въ сообщеніи, опубликованномъ въ Лондонѣ 24 февраля 1920 года (во время очередной сессіи Верховнаго Совѣта). Здѣсь говорилось о невозможности для союзниковъ завязать дипломатическія сношенія съ Совѣтскимъ правительствомъ, пока оно не прекратитъ террора и т. д.; о готовности ихъ, въ то же время, всячески содѣйствовать торговлѣ между Россіей и Европой. Къ Совѣту Лиги Націй обращалось приглашеніе взять въ свои руки дѣло безпристрастной развѣдки дѣйствительныхъ условій жизни въ Россіи — путемъ посылки туда особой комиссіи.*)

Окраиннымъ государствамъ, чья независимость была признана державами, давался совѣтъ воздерживаться отъ агрессивной политики по отношенію къ Совѣтской Россіи; тѣмъ-же изъ нихъ, кто находился съ послѣдней въ состояніи войны, указывалось, что союзныя правительства не могутъ рекомендо-

вать имъ продолженіе этой войны (имъ подсказывали: «заклучайте миръ!»).

Въ случаѣ-же *нападенія* Совѣтской Россіи на окраинныя республики въ ихъ законныхъ границахъ, союзники окажутъ послѣднимъ всевозможную поддержку.*) Т. е. подъ цвѣтами надежды на признаніе (*если* и т. д.) и Ллойдъ-Джорджевскаго торговаго соглашательства сверкало, по-прежнему, «проволочное загражденіе».

Все это носило чисто декларативный характеръ. Однако, недвусмысленно заявлялось, что въ извѣстныхъ условіяхъ (опредѣленіе которыхъ было важно особенно ввиду русско-польскихъ отношеній начала 1920 г.) каждое изъ признанныхъ окраинныхъ государствъ можетъ обезпечить себѣ дѣйствительную помощь въ организациі своей обороны. *Практически* добиться такой помощи можно было, конечно, лишь на основѣ опредѣленныхъ взаимоотношеній между получающимъ помощь «окраиннымъ» правительствомъ и державою, отъ которой помощь получается. Иначе и быть не могло. Вѣдь политическіе мотивы такой заботливости (о невторженіи большевиковъ) могли быть разнообразны. Въ Бухарестѣ и Варшавѣ могли, на примѣръ, съ твердостью разсчитывать на поддержку Франціи, такъ какъ Польша и Румынія являлись важными для нея частями новаго международнаго порядка Европы; помощь, полученная въ 1919-20 г. г. отъ Англій въ дѣлѣ самозащиты отъ совѣтскихъ войскъ доблестными балтійскими республиками еще лучше подтверждаетъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, за общими схематическими выраженіями вышеприведеннаго меморандума 24 февраля, подразумевалась — или ожидалась — сложная неустанная, на взаимномъ довѣрїи основанная работа соотвѣтствующихъ правительствъ и великихъ державъ, имъ благопріятствующихъ.**)

*) Меморандумъ этотъ, подъ заглавіемъ *Союзная политика въ Россіи. Заключенія принятыя Верховнымъ Совѣтомъ 24 февраля 1920 г.*, былъ тогда же оглашенъ въ палатахъ парламента.

**) Къ сожалѣнію, я лишень возможности приводить въ этой книгѣ параллели и аналогіи изъ исторіи упроченія балтійскихъ народовъ. Многое можно было-бы сказать въ объясненіе того, почему, съ начала 1921 г., участь Грузіи оказалась столь отличной отъ судьбы Эстоніи и Латвіи. Хорошій общій обзоръ двухъ этихъ окраинныхъ «карьеръ» см. напр. въ статьяхъ бар. А. Мейендорфа въ новыхъ томахъ Британской Энциклопедіи (1922 г.).

*) Мысль эта, какъ извѣстно, не осуществилась.

Возможно-ли было другимъ путемъ обезопасить себя на случай нападенія такого опаснаго, относительно сильнаго и, конечно, искуснаго противника, какъ совѣтская власть въ Москвѣ?

Уже обстоятельства, сопровождавшія признаніе de facto трехъ закавказскихъ республикъ показали, что онѣ могли рассчитывать на дѣятельную помощь одной лишь Англій; но что дружное сотрудничество этихъ республикъ, само признаніе которыхъ было можно сказать «групповымъ», являлось необходимымъ условіемъ такой помощи; и что благоприятная закавказскимъ государствамъ, активная политика вовсе не была единодушною программой всего англійскаго правительства, а скорѣе соотвѣтствовала одному лишь изъ теченій, представленныхъ въ коалиціонномъ кабинетѣ Ллойд-Джорджа.

Фактъ однако былъ налицо: стремленія закавказскихъ республикъ къ упроченію независимости встрѣчали поддержку, упроченіе и расширеніе которой зависла главнымъ образомъ отъ самихъ этихъ республикъ. Инициатива-же Англій въ дѣлѣ установленія торговыхъ связей съ совѣтской Россіей обѣщала облегчить въ будущемъ посредническую дѣятельность первой также и по установленію мирнаго сосѣдства между закавказскими республиками и Россіей.

Такая дѣятельность (она явилась-бы въ 1920 г. своеобразнымъ продолженіемъ mutatis mutandis — германской политики 1918 года и англійской же политики «демаркаціонной линіи» 1919 года!) была-бы, конечно, слишкомъ затруднена въ обстановкѣ 1920 г. безъ опредѣленной базы въ Закавказьи; и необходимая база имѣлась — въ Батумѣ, состоявшемъ (формально съ 17 октября 1919 г.) подъ британской оккупацией. Въ концѣ 1919 года возвѣщено было предположеніе, объ уводѣ британскихъ войскъ изъ Батума (заявленіе Ллойд-Джорджа въ Палатѣ Общинъ 18 декабря 1919 г.) Въ февралѣ-же 1920 послѣ нѣкоторыхъ колебаній*) и повидимому въ связи

*) 10-го февраля новое заявленіе Ллойд-Джорджа о «быстрой эвакуаціи»; 13 февраля полуофициальное сообщеніе объ эвакуаціи; 18-го февраля объясненіе, въ Палатѣ Общинъ, перваго лорда адмиралтейства: «эвакуація началась, но не закончена»; 22 февраля тревожная телеграмма въ The Times изъ Константинополя, о несвоевременности ухода изъ Батума, какъ разъ въ моментъ когда между Грузіей, Армеей и Азербайджаномъ начинають налаживаться отношенія и т. д.; 23-го февраля — сообщеніе объ отміѣнѣ эвакуаціи.

съ намѣченной 24 февраля политикой огражденія б. окраинъ Россіи отъ нашествія, а также, вѣроятно, не безъ мысли о предстоящемъ (какъ тогда думали) разрѣшеніи восточнаго вопроса, эвакуація британскаго гарнизона была отміѣнена. (23 февраля 1920 г.) Англичане остались въ Батумѣ*).

78.

Къ такъ называемому «разрѣшенію русскаго вопроса» конференція такъ и не подошла. Всякая надежда на его постановку въ скоромъ времени утрачивалась.

Зато становился на очередь другой большой вопросъ-первостепеннаго значенія именно для закавказскихъ республикъ: вопросъ о мирѣ съ Турціей, объ «устроеніи» Ближняго Востока. Эта тема въ еще большей мѣрѣ приводила вниманіе великихъ державъ къ нашимъ республикамъ, какъ пограничнымъ въ данномъ случаѣ не съ Россіей, а съ б. Турецкою Имперією.

*) Исторія Батума (съ областью) въ эпоху занятія его англичанами (съ ноября 1918 г. по июль 1920 г.) представляетъ значительный интересъ и заслуживала-бы монографическаго изслѣдованія. Грузинское правительство стремилось къ скорѣйшему воссоединенію Батума съ Грузіей; русскіе тому противодействовали, доказывая, что Батумъ — твореніе Россіи (какъ будто Грузія не была частью и пайщицей той Россіи!). Англичане слишкомъ, по мнѣнію грузинъ, благоприятствовали русскимъ, въ ущербъ Грузіи; недостаточно оберегали права Россіи, по мнѣнію русскихъ и т. д. Въ грузинской политической жизни кличъ: да здравствуетъ грузинскій Батумъ! особенно послѣ пораженія добровольцевъ сдѣлался «всенароднымъ», и правительство, раздразнивъ въ этомъ отношеніи «улицу», потомъ само же отъ нея зависѣло (такъ было, впрочемъ, и по многимъ другимъ вопросамъ).

За злободневной борьбою и шумомъ, и несмотря на разнообразныя недостатки англійскаго управленія, достаточно-ли ясно и твердо понимало грузинское правительство, что сохраненіе англійской базы въ Батумѣ, диктовалось, въ грузинскихъ интересахъ, элементарной предусмотрительностью и заботливостью? Въ этомъ можно сомнѣваться. Соблазнъ скорѣйшаго объединенія подъ своей властью всѣхъ частей Грузіи, а особенно столь важнаго для нея Батума, оказался сильнѣе, чѣмъ способность заглядывать въ будущее — даже ближайшее.

Политика по батумскому вопросу грузинскаго правительства говорившаго, въ деликатной формѣ, англичанамъ, («имперіалистамъ»; «внѣшней силѣ»); «воиъ изъ Батума», подкрѣпляла и въ Англій сторонниковъ скорѣйшаго оставленія Батума.

На конференции Верховного Совета в Лондонѣ (февраль-мартъ 1920 г.) вопросъ этотъ изучался тщательно. Делегации трехъ республикъ перенесли на это время изъ Парижа въ Лондонъ.

Арменія съ трепетомъ ждала рѣшенія своей судьбы. Но и Грузія съ Азербайджаномъ были глубоко заинтересованы въ подготовкѣ мира съ Турціей вообще, а особенно въ выработкѣ статута для Арменіи, такъ какъ нельзя было при этомъ избѣгнуть и вопроса о взаимныхъ границахъ закавказскихъ республикъ. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что при подготовкѣ мирнаго трактата съ Турціей (будущаго Севрскаго договора) великія державы коснулись, правда, косвенно, и Грузіи: делегация наша приложила къ тому немало стараній, такъ какъ было чрезвычайно важно, чтобы международное разрѣшеніе ея вопроса т. е. формальное признаніе Грузіи состоялось хотя-бы въ связи съ вопросомъ восточнымъ.

Для выясненія границъ будущей Арменіи организована была при конференціи особая комиссія, въ составѣ представителей Англій, Франціи, Италіи и Японіи.*)

Въ числѣ предметовъ ея изученія былъ важный вопросъ объ обезпеченіи Арменіи выхода къ морю, т. е. именно къ Черному морю.**)

Армянская делегация находила, что выходъ этотъ долженъ быть предоставленъ Арменіи, въ предѣлахъ Трапезундскаго

*) Изъ участниковъ ея назову г. г. Ванситартъ (Англія) и Каммерера (Франція), также полковника британской службы Гриббинъ (начальника ближневосточнаго отдѣла въ развѣдочномъ департаментѣ главнаго штаба). Полковникъ Шардинъ, бывший въ составѣ французской военной миссіи на Кавказѣ еще при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ и вернувшійся въ Тифлисъ въ концѣ 1918 г., равнымъ образомъ, былъ вызванъ въ Лондонъ, въ качествѣ свидѣющаго лица.

**) Вопросъ о выходѣ въ Средиземное море (Александретта) ставился теперь совершенно иначе, такъ какъ предусматривалась возможность французскаго мандата въ Киликіи (которая, вообще, исключалась изъ границъ будущей Арменіи). Незадолго передъ тѣмъ, въ Киликіи произошло избиеніе армянъ. По этому поводу самъ предсѣдатель армянской делегации *Агаронянъ* заявилъ (корреспонденту Рейтера), что единственный способъ обезвредить Турцію и отдѣлить ее отъ остальной Азіи заключается въ томъ, чтобы Киликія была поручена Франціи, какъ мандатарію, и чтобы сфера мандата простиралась вплоть до границъ Великой Арменіи. См. *The Times*, 23-го февраля 1920 г.

вилайета, съ отнесеніемъ къ ея составу малоазіатскаго побережья отъ Тиреболи (что западнѣе Трапезунда) до Хопы (т. е. почти до самой б. русско-турецкой границы 1914 года). Въ будущую Арменію включался-бы при этомъ весь почти Лазистанскій санджакъ, на который Грузія заявляла свои права передъ Парижской конференціей еще въ самомъ началѣ 1919 г. (когда греками выдвинутъ былъ проектъ созданія особой Понтійской республики) и нѣсколько позже, въ основномъ представленномъ конференціи меморандумѣ.

25-го февраля мы были приглашены въ вышеупомянутую коаиссію, для объясненій по вопросамъ о Лазистанѣ и о Батумской области.

Необходимо пояснить, что притязаніе Грузіи на санджакъ Лазистанъ (Трапезундскаго вилайета) и части санджака Байбуртъ (Эрзерумскаго вилайета), отвѣчая опредѣленнымъ даннымъ исторіи и этнографіи, а также распространеннымъ въ грузинскомъ обществѣ взглядамъ, являлось съ самаго начала вполне условнымъ, въ томъ смыслѣ, что ставилось оно въ зависимость отъ прекращенія турецкой власти въ восточной Анатоліи и отъ созданія новой Арменіи. Разъ нѣкоторыя территоріи бывшей турецкой Имперіи подлежали перераспределенію, по началамъ справедливости и цѣлесообразности, и коль скоро проводилась граница между Грузією и Арменією въ предѣлахъ мусульманскихъ провинцій въ бассейнѣ Чороха и у Чернаго моря, то естественно было требовать присоединенія именно къ Грузіи Лазистанскаго санджака, являющагося прямымъ, продолженіемъ батумскаго побережья — съ населеніемъ, хотя и сильно отуреченнымъ, но по крови и языку близкимъ Грузіи (особенно, Мингреліи). Также естественно было просить исправленія границы по среднему Чороху, отнесеніемъ ее нѣсколько къ западу отъ Испира. Въмѣстѣ съ требованіемъ для Грузіи западныхъ округовъ б. Карсской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) планъ этотъ, въ случаѣ осуществленія, означалъ бы для Грузіи воссоединеніе съ нею всѣхъ частей такъ наз. мусульманской или турецкой Грузіи.

Предсѣдательствовавшей въ комиссіи г. Каммереръ, признавая достаточно убѣдительными изложенные мною въ ея засѣданіи доводы, отмѣтилъ, однако, что лазами вовсе не заявлялось желаніе присоединиться къ Грузіи, и что, напр., въ 1928 г. турки овладѣли Батумомъ именно съ помощью лазовъ (г. К. сослался здѣсь на свидѣтельство другого участника засѣданія, полковника Шардинъ). Отвѣтъ мой сводился

къ тому, что пока въ этихъ краяхъ шла историческая борьба между Россійскою и Оттоманскою Имперіями, симпатіи не только лазовъ, но можетъ быть и мусульманъ б. русской Грузіи принадлежали ихъ единовѣрцамъ. Теперь, когда великія державы рѣшили создать независимую Арменію, и власть Турціи въ этой части ея прежнихъ владѣній не будетъ сохранена, вопросъ ставится о томъ, куда лазовъ справедливѣе отнести, и куда они сами предпочтутъ отойти: къ независимой ли Грузіи или къ Арменіи? Поставить такъ вопросъ — значить уже и рѣшить его!

Однако, съ наибольшимъ интересомъ комиссія отнеслась къ вопросу о Батумѣ. «Конференція, говорилъ г. Каммереръ, твердо держится того начала, что ни одно новое государство не должно быть лишено свободнаго подступа къ морю. Создавая независимую Арменію, надлежитъ безусловно обезпечить ей выходъ къ Черному морю. Съ другой стороны, необходимо считаться съ важностью Батума для транзита въ торговлѣ западныхъ государствъ съ Персією. Батумъ-же есть вывозной портъ для нефтяныхъ продуктовъ Баку и т. д. Вопросъ о Батумѣ долженъ быть разрѣшенъ соотвѣтственно всѣмъ этимъ разнообразнымъ интересамъ».

Взглядъ Грузіи на Батумъ и Батумскую область, какъ неотъемлемую часть грузинской территоріи и готовность, въ то же время, Грузіи дать всѣ необходимыя гарантіи для обезпеченія въ Батумѣ интересовъ сосѣднихъ республикъ и нуждъ международной транзитной торговли — были подробно мною изложены передъ комиссією. Г. г. Каммереръ и Ванситартъ особенно останавливались на смѣшанномъ характерѣ населенія г. Батума, на отсутствіи тамъ грузинскаго большинства и пр. Присутствовавшій въ засѣданіи вмѣстѣ со мною Чхеидзе, близко знающій Батумъ, далъ тутъ-же, по моей просьбѣ, справку по этому предмету.

Легко было видѣть, что представители Англійи и Франціи относились съ сомнѣніемъ къ возможности признанія верховенства Грузіи надъ Батумомъ; и что позиція эта связывалась у нихъ, между прочимъ, съ заботою объ обезпеченіи Арменіи свободнаго выхода къ морю. Что выходъ этотъ мыслился въ видѣ армянской желѣзной дороги Карсъ - Артвинъ-Батумъ, объ этомъ въ засѣданіи 25 февраля собственно не упоминалось.

1-го марта мы обратились къ В. Совѣту съ нотой, въ которой, во 1-ыхъ, требовали присоединенія Батумской области

къ Грузіи, во 2-ыхъ, выражали готовность заключить съ сосѣдними республиками соглашеніе, которымъ будутъ обезпечены не только достаточныя гарантіи Азербайджану и Арменіи (заинтересованнымъ въ свободѣ ихъ торговли черезъ Батумъ*) но также и свободу междунаго транзита; а въ 3-ихъ подтверждали, заявленное 25-го февраля въ комиссіи убѣжденіе въ необходимости исправленія въ пользу Грузіи, границы, посредствомъ отнесенія къ Грузіи санджака Лазистанъ, а также нѣкоторыхъ мѣстностей по Чороху; и, наконецъ, отмѣчали, что вопросъ объ упомянутомъ исправленіи границы возбуждается нами въ связи съ установленіемъ для Арменіи выхода въ Черное море, въ предѣлахъ Трапезудскаго вилайета.

Словомъ, мы не только указывали порядокъ разрѣшенія вопроса о Батумѣ — путемъ, прежде всего, соглашенія между тремя закавказскими республиками, на основѣ признанія Батума и его области частью Грузіи — но и связывали вопросъ объ армяно-грузинскомъ размежеваніи съ выходомъ Арменіи къ Черному морю.

79.

Верховный совѣтъ, внявъ мнѣнію своей комиссіи, одобрилъ совершенно другой планъ примиренія различныхъ, связанныхъ съ Батумомъ интересовъ.

Предполагалось : организовать Батумъ въ видѣ не только порто-франко, но и вольнаго города, въ составѣ собственно Батума и нѣкоторой (небольшой) прилегающей территоріи; остающуюся часть Батумской области распределить между Грузіей и Арменіей; а именно, къ первой — присоединить сѣверную и восточную часть области, второй-же отдать, на югъ, районъ Артвина. Дальнѣйшее-же армяно-грузинское размежеваніе — признать дѣломъ самихъ этихъ республикъ. Лазистанъ будетъ автономною единицею, подъ суверенитетомъ Арменіи. Устанавливается свободный транзитъ черезъ Закавказье. Батумъ займутъ смѣшаннымъ отрядомъ (англо-франко-итальянскимъ). Тамъ будетъ мѣстопробываніе междунаго комиссара (назначаемаго, повидимому, Лигой Націй).

На разрѣшеніе въ приведенномъ смыслѣ собственно вопроса о Батумѣ (вольный городъ) повліяла, какъ мнѣ сооб-

*) Позже (въ Парижѣ и Сень-Ремо) для разрѣшенія вообще закавказскаго вопроса Англійей былъ предложенъ именно этотъ путь — соглашенія трехъ республикъ.

щаль тогда мой освѣдомитель, обширность морскихъ интересовъ, русскихъ и международныхъ, въ этомъ порту.

Легко объяснялось и дробленіе на три части Батумской области: въ этомъ случаѣ оказывалось возможнымъ проектировать трассу будущей желѣзной дороги Карсъ-Батумъ (армянскій выходъ въ Черное море!), минуя территорію Грузіи, ибо въ предѣлахъ 6. Батумской области, трасса эта проходила бы сначала по армянской «трети» (въ районѣ Артвина), а затѣмъ подходила-бы къ Батуму уже по территоріи вольнаго города (т. е. въ районѣ устья Чороха).

На вариантѣ-же Карсъ-Артвинь-Батумъ остановились въ виду того что направленіе Эрзерумъ-Ризе, на основаніи прежнихъ изысканій, казалось, будто-бы, неосуществимымъ,

Главное достоинство этой схемы, помимо утѣшительности уже самого факта, что Верховный Судъ удосуужился, наконецъ, заняться этими вопросами, — заключалось съ моей точки зрѣнія въ созданіи дѣйствительнаго международнаго контроля въ Батумѣ и, дѣйствительной, международной заинтересованности въ Закавказскихъ дѣлахъ. Покровительство Лиги Націй, практически, обезпечивало-бы Закавказью дѣятельную поддержку державъ, сочувствующихъ независимости нашихъ республикъ; въ то-же время, этотъ важный результатъ достигался бы въ формѣ, устраняющей подозрѣнія въ своекорыстїи какой-либо отдѣльной великой державы.

Съ другой стороны, не говоря уже о явной искусственности такого рѣшенія, какъ «Лазистанъ подъ сюзеренитетомъ Арменїи», можно было опасаться, что предположенное дробленіе Батумской области, уступка Арменїи лѣваго берега Чороха съ г. Арвиномъ, въ связи съ отдѣленіемъ Батума отъ Грузіи и предоставленіемъ Арменїи власти надъ новыми группами мусульманскаго населенія, затруднить упроченіе дружескихъ отношеній между Арменїей и ея сосѣдями.

Безъ прочнаго-же и твердаго соглашенія трехъ республикъ и по вопросамъ ихъ разграниченія, и относительно Батума, нельзя было питать ни малѣйшихъ надеждъ на разрѣшеніе Закавказскаго кризиса или на помощь какой-либо великой державы!

Надлежало, слѣдовательно, подумать о томъ какъ благія цѣли, поставленныя Верховнымъ Совѣтомъ, осуществить болѣе подходящими средствами.

Не слѣдовало забывать и о главномъ: о томъ, вслѣдствіе

чего Верховный Совѣтъ, въ сущности и удѣлилъ теперь въ Лондонѣ свое вниманіе Закавказскимъ республикамъ, а именно о тѣсной связи «нашихъ» вопросовъ съ дѣломъ мира на Востокѣ, съ созданіемъ независимой Арменїи: для дѣйствительнаго осуществленія программы мира съ Турціей, представлялось крайне важнымъ, укрѣпить въ политическомъ и военномъ смыслѣ, Закавказскія республики, упрочить ихъ взаимныя связи. Только въ этомъ случаѣ возможно было созданіе «средостѣнія» между совѣтской Россіей и Турціей Мустафы-Кемаля; только при этомъ условїи, связь Европы съ Арменїей могла быть обезпечена, а Батумъ могъ стать опорнымъ пунктомъ для давленія на Анатолю — съ востока.

Въ виду такихъ соображеній, грузинская делегация обратилась, по моему предложенію, къ Верховному Совѣту съ новою нотой, по вопросу о Батумѣ (16-го марта), пункты которой позволю себѣ здѣсь привести:

1. Батумская область, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго, съ большинствомъ населенія грузинъ-мусульманъ, должна быть присоединена къ территоріи грузинской республики.

2. Расчлененіе Батумской области, съ отнесеніемъ какой-либо ея части къ составу другого государства, а не Грузіи, не преминетъ вызвать глубочайшее разногласіе и обостритъ взаимоотношенія между сосѣдями народами въ Закавказьи.

3. Если будетъ доказано, что, въ силу условій географическихъ, топографическихъ или иныхъ, выходъ къ морю Арменїи долженъ непременно заимствовать часть территоріи, которую грузинскій народъ считаетъ своимъ національнымъ достояніемъ и которой онъ на этомъ основаніи домогается, — права грузинскаго народа должны быть приняты въ уваженіе. Вышеупомянутый выходъ къ морю т. е. примыканіе желѣзныхъ дорогъ Арменїи къ предполагаемому выходу ея на Черное море можетъ быть организовано на основаніи специальныхъ соглашеній, безъ ущерба для суверенитета Грузіи надъ относящимися сюда территоріями.

4. Созданіе въ Батумѣ автономной республики, включающей также часть Батумской области, неизбежно повлечетъ за собой еще большее усложненіе и безъ того достаточно сложныхъ взаимоотношеній между закавказскими государствами. Это рѣшеніе, причиняя разочарованіе грузинскому народу, у котораго оно отнимаетъ владѣніе его лучшимъ портомъ, вовсе не является необходимымъ ни съ точки зрѣнія торговыхъ и экономическихъ потребностей сопредѣльныхъ Грузіи странъ, ни для надобностей транзита товаровъ въ международной торговлѣ, особенно съ Персїей, ибо всѣ эти интересы, значеніе которыхъ грузинскимъ правительствомъ оцѣнивается въ полной мѣрѣ, могутъ быть удовлетворены, и необходимыя гарантіи могутъ быть обезпечены путемъ специальныхъ соглашеній, заключенныхъ между заинтересованными сторонами непосредственно либо же при содѣйствїи Верховнаго Совѣта или Лиги Націй.

Устроенный на этих началах, Батумский порт сдѣлался бы, подъ суверенитетомъ Грузіи, дѣйствительно общимъ выходомъ (débouché) трехъ закавказскихъ республикъ, а въ то-же время и складочнымъ мѣстомъ для международной торговли, — притомъ, безъ искусственнаго отдѣленія этого города отъ его Hinterland'a и безъ нарушенія правъ Грузіи на Батумъ.

5. Грузинское правительство поддерживаетъ свои притязанія... на два округа Каресской области: Ардаганскій и Ольтинскій.

6. Возможно, что по соображеніямъ общей политики и дабы обезпечить приведеніе въ дѣйствіе мирныхъ договоровъ, великія державы сочтутъ соответственнымъ располагать, въ батумскомъ порту, военною и морскою базой. Для этой цѣли, необходимыя удобства должны быть обезпечены великимъ державамъ, и наиболѣе простымъ путемъ къ тому является заключеніе необходимыхъ соглашеній и конвенцій съ Грузіей.

Полагаю, что вышеприведенныя выдержки достаточно ясно освѣщаютъ официально выраженные взгляды грузинской делегаціи по вопросу о Батумѣ и о желѣзнодорожномъ сообщеніи Арменіи съ Чернымъ моремъ. Эти вопросы дѣлались теперь пробнымъ камнемъ закавказской политики въ «международномъ масштабѣ».

80.

Грузинская делегація обнаружила инициативу, и выдвигая соглашеніе трехъ сосѣднихъ республикъ, какъ основаніе для обезпеченія за Батумомъ его функции общаго выхода въ море, и доказывая полную возможность обезпеченія Арменіи желѣзнодорожной связи съ Чернымъ моремъ черезъ Батумъ — но безъ дробленія Батумской области, и съ признаніемъ въ ней грузинскаго суверенитета.

Эти темы и явились, какъ мы увидимъ, стержнемъ, вокругъ котораго вращались переговоры между Закавказскими республиками, съ одной стороны, и англійскимъ правительствомъ въ эпоху окончательной выработки проекта Севрскаго договора.

Теперь коснусь вкратцѣ взаимоотношеній между делегаціями трехъ республикъ въ Лондонѣ (въ мартѣ 1920 г.), по поводу, поставленныхъ тамъ вопросовъ: это тѣмъ болѣе необходимо, что именно тогда начался правильный обмѣнъ мнѣній, завершеніе котораго произошло уже въ Санъ-Ремо (въ концѣ апрѣля 1920 г.)

Достигнуть какой-нибудь согласованности въ работѣ

трехъ делегацій было необычайно трудно, въ виду кореннаго расхожденія въ политическихъ задачахъ, прежде всего, между Арменіей и Азербайджаномъ. Здѣсь дѣло не въ однихъ пограничныхъ спорахъ, какъ-бы они ни были сложны. Гораздо важнѣе былъ антагонизмъ коренной, безповоротный, въ значительной мѣрѣ даже подсознательный, лежащій въ основаніи многолетней и длительной борьбы, разныя проявленія которой, на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій надлежитъ разсматривать въ ихъ общей связи. Избѣженія армянъ въ Турціи; армяно-татарская «рѣзня» (подъ сѣнью двуглаваго орла!) — бывшая, по существу, «малой войной» между народами, неорганизованными государственно; роль армянъ въ мировой войнѣ (на сторонѣ союзниковъ) и кровавая реакція противъ нихъ въ Турціи; армяно-турецкія, а также армяно-татарскія репрессаліи и контръ-репрессаліи — на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Турціи, въ Закавказьи, въ различныхъ сочетаніяхъ съ поворстами военнаго счастья, съ измѣненіями политическаго режима и т. д. — все это элементы одной драмы: борьбы армянскаго народа за существованіе на своей землѣ и за созданіе тамъ своего государства — и борьбы турокъ за сохраненіе завоеваннаго и за расширеніе сферы своего владычества въ сторону родственныхъ по населенію прикаспійскихъ территорій.

Послѣ побѣды союзниковъ, съ конца 1918 года армяне опять, какъ въ 1914 г. — поставили ставку всей своей будущности на *политическое разрушеніе* Турціи (см. выше гл. XIX.). Въ началѣ 1920 года имъ многое приходилось уже сбавить въ своихъ требованіяхъ. Но надежда не только на созданіе сильной, обширной Арменіи, но и на существенное стреноженіе Турціи сохранялась. Въ приведенныхъ уже выше (стр. 254) заявленіяхъ предсѣлителя армянской делегаціи *Аветиса Агароняна*, рядомъ съ сокрушеніемъ по поводу того, что рѣшено не выгонять турокъ изъ Константинополя, утверждалось, что ихъ нельзя оставлять ни въ Киликіи, ни въ другихъ районахъ, гдѣ есть христіане. Цѣль «младотурокъ» — уничтожить Арменію и приблизить Турцію къ границѣ Азербайджана. Поэтому, обязательно включить въ Арменію Эрзинджанъ и Эрзерумъ и не допустить турокъ занять горную область Карабага, откуда они легко могутъ спуститься въ Эривань.

Азербайджанцы не оставались въ долгу. Отстаивая свои прямые интересы, они не забывали защищать отъ армянскихъ домогательствъ и Турцію. Таковъ, въ сущности, былъ дѣйствительный смыслъ ихъ стремленія связать и отождествить съ

Азербайджаномъ всё вообще мусульманскіе элементы Закавказья. Въ 1919 г. у нихъ мелькнула, можетъ быть, мысль получить «согласно пунктамъ Вильсона», т.е. путемъ мусульманскаго самоопредѣленія то, что Турція получила въ 1918 г. отъ большевиковъ, и что утратила въ концѣ того же года. Въ представленномъ Парижской конференціи меморандумѣ Азербайджанъ включалъ въ свои предѣлы всё мусульманскія провинціи Закавказья, не исключая Батумской области! Конечно, заявляя эти требованія, Азербейджанъ думалъ не только о себѣ.

Замыселъ этотъ не могъ быть осуществленъ такъ просто; и практически его нельзя было отстаивать въ 1919 году.

Но азербайджанская делегация (въ Лондонѣ въ февралѣ-мартѣ 1920 г.), не высказываясь теперь въ принципѣ противъ прирѣзки къ Арменіи нѣкоторыхъ турецкихъ территорій, находила, напримѣръ, несправедливымъ и нежелательнымъ (съ точки зрѣнія интересовъ мусульманскаго населенія) включеніе въ составъ Арменіи какихъ-либо частей Батумской или Карсской области. Это обнаружилось, при совмѣстномъ обсужденіи делегациями Грузіи и Азербайджана проекта заявленія на имя Верховнаго Совѣта, которымъ, по мысли грузинской делегации, предполагалось довести до свѣдѣнія послѣдняго, что обѣ союзныя республики признають нецѣлесообразнымъ дробленіе Батумской области, что Азербайджанъ не возражаетъ противъ включенія ея, съ Батумомъ, въ составъ Грузіи, а Грузія, со своей стороны, полностью обезпечиваетъ интересы Азербайджана въ Батумѣ (какъ выходъ въ море).

Заявленіе это, которому грузинская делегация придавала бы большое значеніе при отстаиваніи правъ Грузіи на Батумъ, не могло быть сдѣлано, ибо делегация Азербайджана настаивала на предъявленіи одновременно требованія о присоединеніи къ Грузіи всей Карсской области*). Мы-же, очевидно, затруднились заявить такое требованіе, ибо въ основномъ меморандумѣ (1919) домогались двухъ лишь, изъ четырехъ, округовъ Карсской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) — неговоря уже о недопустимости его для насъ по существу.

Также безрезультатна была попытка вообще двинуться впередъ въ дѣлѣ разграниченія трехъ республикъ, сдѣланная

*) Съ точки зрѣнія азербайджанцевъ, разъ это провинція не могла быть турецкой, предпочтительнѣе было включеніе ея въ составъ Грузіи, а не Арменіи.

(въ Лондонѣ, въ концѣ марта 1920 г.) въ виду постановки армянскаго вопроса на конференціи. Возвращаясь къ старой темѣ о необходимости скорѣйшаго разграниченія между сосѣдями, Агаронянъ высказалъ намъ какъ-то предложеніе о томъ, чтобы дѣло разграниченія (въ виду явной невозможности достигнуть результатовъ на мѣстѣ) было перенесено въ Европу и возложено здѣсь на наши делегации. Мысль эта, несомнѣнно, заслуживала вниманія. Мы обсудили ее тщательно съ Богосъ-Нубаръ-пашею и другими армянскими делегатами, а также съ азербайджанцами. Армяне, въ разговорѣ съ нами, проводили теперь рѣзкую грань между Грузіей (съ которою разногласія легко устранимы!) и Азербайджаномъ (требованія котораго совершенно несомѣстимы съ армянскими!) Они считали, что въ виду опубликованныхъ незадолго передъ тѣмъ свѣдѣній о заключеніи, будто-бы, между Турціей и Азербайджаномъ, тайной военной конвенціи*), они не могутъ довѣрять послѣднему. Они не придавали, поэтому, ни малѣйшаго значенія подписанному въ ноябрѣ 1919 г. въ Тифлисѣ соглашенію о порядкѣ разрѣшенія взаимныхъ споровъ между тремя республиками (см. выше стр. 237). Азербайджанцы-же находили, что стремленіе армянъ перенести все дѣло разграниченія въ Европу объясняется ихъ увѣренностью въ благопріятномъ къ нимъ именно настроеніи конференціи; что здѣсь, въ большихъ центрахъ они, армяне, сильнѣе насъ и средствами и связями и численностью — между тѣмъ какъ при разсмотрѣніи вопросовъ тамъ на мѣстахъ, неправильность, преувеличенность ихъ утвержденій всегда легко обнаруживается. Поэтому и азербайджанцы, и грузины должны настаивать на разрѣшеніи споровъ собственными силами республикъ въ самомъ Закавказьи, а не въ Лондонѣ или Парижѣ.

Въ виду нежеланія армянъ обсудить этотъ вопросъ непосредственно съ азербайджанцами, грузинская делегация старалась устранить разногласіе, предложивъ отправить отъ имени трехъ делегаций телеграммы въ Тифлисъ, Баку и Эривань съ приглашеніемъ правительствъ къ немедленному созыву конференцій по разграниченію, учрежденію арбитражныхъ комиссій и пр. и съ предложеніемъ, въ случаѣ неудачи этой процедуры или признанія ея неосуществимой, передачи дѣла делегациямъ. Текстъ телеграммы былъ одобренъ армянами;

*) См. данныя по этому вопросу въ The Times, 20 марта 1920 г.

азербайджанцы, не возражая по существу, полагали, что каждой делегации должна быть предоставлена свобода въ выборѣ формы и способа изложенія мысли объ «ускоренномъ разграниченіи». Задуманный шагъ, поэтому, и не состоялся.

Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать, съ какими трудностями приходилось сталкиваться во взаимоотношеніяхъ между делегациями. Трудности эти не были, однако, неустрашимы, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

ГЛАВА XXXI.

ЗАКАВКАЗСКІЯ РЕСПУБЛИКИ И КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ САНЪ-РЕМО.

(апрѣль 1920 года.)

81.

13-го апрѣля 1920 г., предсѣдатель грузинской делегации былъ приглашенъ на совѣщаніе къ г. Роберту Ванситтарту въ Campbell's Hotel. Я отправился туда вмѣстѣ съ Чхеидзе. Оказалось, что такое-же приглашеніе получено было делегациями азербайджанскою и армянскою, такъ что въ свиданіи этомъ съ представителемъ великобританскаго правительства вмѣстѣ съ нами присутствовали: Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ, Богосъ-Нубаръ и Аветись Агаронянъ.

Р. Ванситтартъ обратился къ намъ со слѣдующимъ заявленіемъ: «Я еще въ Лондонѣ искалъ васъ, но вы уже успѣли уѣхать; тогда я вызвался для исполненія возложенной на меня задачи отправиться въ Парижъ, чтобы встрѣтиться здѣсь съ вами и поговорить частнымъ образомъ, по дружески, о нѣкоторыхъ вашихъ общихъ дѣлахъ. Позвольте мнѣ, какъ лицу, хорошо знающему ваши страны и желающему вамъ добра, быть съ вами откровеннымъ.

Въ кругахъ Верховнаго Совѣта многіе держатся взгляда, что никакой будущности у Закавказскихъ республикъ нѣтъ, ибо онѣ не способны къ какой-бы то ни было солидарности и истощаются во взаимныхъ распряхъ... Многое, дѣйствительно подтверждаетъ такую оцѣнку. Намъ, напримѣръ, извѣстно, что по вопросу о *будущности Батума* три закавказскія республики имѣютъ совершенно различныя воззрѣнія. Много и другихъ спорныхъ вопросовъ.

Недавно, познакомившись съ меморандумомъ г. Топчибашева, поданнымъ въ Лондонѣ, я подумалъ, что тамъ есть